

Дальше шёл, лишь изредка открывая глаза. Тянул запахи носом, шумно и жадно. Трогал стволы рукой, оглаживал их и отколупывал кусочки коры — те неслышно падали на снег. Захотелось вдруг пожить, не чувствуя сжимающегося комка внутри, просто подышать морозом, умыться в снегу и полежать на еловых лапах, поглядеть на спешащую по небу луну. Послушать застоявшуюся лесную тишину, густо смазанную чёрным углем. Как вдруг он услышал совсем близко:

— Не подходи, однорукий воин. Стой там.

Ему приказывали, как слуге, но Баки не мог даже разозлиться. Он лишь мельком глянул — ведьма стояла поодаль у ствола огромной старой ели, и тонкий силуэт её был размытым, неверным. Он упал на колени и склонил голову, ожидая того, что сейчас решится его судьба.

— Он слёг, — уверенно бросила ему ведьма. И вдруг едко хохотнула, как ворона прокаркала. — Глупый мальчишка. Самхейн увёл его половину и не отпустит, пока не закончится охота. Но он не доживёт до новолуния. Если ты не поможешь ему, однорукий воин.

У Баки перехватило горло. Он хотел поклясться, пообещать что-то, что угодно, но ни звука не смог проронить.

— Ты хороший охотник, однорукий. Ты сильный и выносливый. Вторая рука тебе только мешала. Тебя уродует не культя, а зверь внутри. Ты думаешь, прогнал его. Но он на месте, затаился и ждёт, когда добыча встанет на ноги. Загонять больную он не хочет, скучно. Ты не изменишься, однорукий, как бы ни пытался. Ты рождён таким, зверь даёт тебе волю к жизни. Умрёшь за него? — спросила она вдруг тихо, совсем другим голосом, уставшим и мягким.

И Баки сжал кулак, больно впиваясь ногтями в кожу ладони. Он чувствовал, как от его дыхания тает снег, и как щиплет мокрое лицо. Она спрашивала про друида и сама знала ответ. Зачем спрашивать?

— Ему нужна твоя сила. Твоя искра. Чтобы продержаться, пока не вернётся в тело его половина. Корми его своим семенем. И кровью. Своим желанием, своей упёртостью. Добавляй в козье молоко, смешивай и вливай понемногу. Ещё добавь щепоть этих трав. Я заговорила их специально. Каждый день молоко должно быть свежее. Парное. Справишься?

Голос был ехидным, сочился ядом. Рядом с опущенной к снегу головой бесшумно упал полотняный мешочек. Баки дёрнулся, схватил его дрожащей рукой и сунул за пазуху.

— Да, госпожа, — прохрипел он едва слышно. Голос не слушался.

— Ты не уйдёшь из Дал-Риады, однорукий. Так тебе написано — отвечать за то, что натворил, перед этой землёй и людьми. Жить здесь, в лесу. И умереть здесь. Не трать силы на пустое.

После этих слов всё затихло. Баки подождал ещё немного, не рискуя поднять глаза, но тишина загустела, тени стали глубже и темнее. Ведьма ушла, а он даже не услышал, куда и как. Не решившись встать, он немного отполз назад, и только тогда очутился на ногах — и припустил обратно, ориентируясь в ночном лесу лучше зверя. Путь под ногами горел алой нитью, цепочкой огненных следов. Он не потерялся бы, даже если бы ослеп — от тропы веяло домашним теплом, запахом шерсти и Стивом. Стивом, который сквозь забытие ждал его.

Добравшись до землянки, Баки поскорее нырнул под шкуру и тут же осел на колени, уткнулся тяжёлой головой в шкуры, под которыми лежал друид. Проверил его лоб — горячий, но не до лихорадки. Только сейчас почувствовалось, какой большой кусок ведьма откусила от него. В голове было мутно, рука дёргалась, всё внутри дрожало от бессилия. Почувствовав, как начинает темнеть перед глазами, Баки подкинул толстое полешко в очаг и упал на свою лежанку, скрючиваясь, подбирая ноги к животу. Он так сильно устал, так устал. Ему нужно поспать. Оставалось только надеяться, что они вместе со Стивом переживут эту ночь.

Наутро первое, о чём Баки вспомнил, едва разодрав слипшиеся веки, это молоко. Козье молоко, которое он должен достать для Стива. Он подполз ближе, проверил чужой лоб и дыхание, снова положил в едва тлеющий очаг полено и так же ползком выбрался за шкуру, чтобы упасть лицом в свежавывавший снег, обтереться им, приходя в себя, чтобы открыть, наконец, глаза. Внутри до сих пор было мутно, но не так отвратительно, как ночью. Ведьма сильная, он зарёкся ходить к ней больше. Пойдёшь за помощью и сам ноги не унесёшь.

Чужие слова повторялись в голове, вызывая зуд и жжение, словно свежее клеймо. Смешать молоко, траву, семя, кровь. Поить друида. Каждый день свежее. Задача была трудна, в чём-то отвратительна, но Баки по-собачьи встряхнулся, разделся на морозе и весь обтёрся снегом. Потом вернулся в землянку, как был голый, волоком затащив огрубевшую от холода одежду за собой. Снежные хлопья на теле растаяли и щекотно потекли к ногам. Он обтёрся тряпицей, оделся неприметно, со вздохом взглянув на снятый килт. И, посмотрев какое-то время за тем, как поверхностно дышит бледный друид, отправился по собственным зарубкам в найденную несколькими днями назад деревеньку.

Он шёл по рыхлому снегу, рукой цеплялся за вымороженные древесные стволы. Притороченная к поясу замороженная тушка зайца неудобно хлопала его по бедру на каждом шагу. В голове после утренней мути осталась пустота, и Баки встречал её с упоением, как не встречал даже первый луч солнца. Он не хотел ни о чём думать. Просто сделать всё так, как велела алая ведьма — и чтобы Стив вернулся к нему. Чтобы ожил.

Притаившись в подлеске, он наблюдал за тем, как просыпались люди. Совсем чужие, в чужих одеждах. Но делали они точно то же, что и в любой другой деревне: набирали чистый снег, чтобы растопить его в тепле, мужчина вышел к поленнице, чтобы занести в дом несколько чурбачков, женщина ушла в сарай с глиняным горшком. Осмелев и решившись, он вышел из своего укрытия на порозовевший от рассвета снег и, проваливаясь по щиколотку, пошёл к людям. Трепет и волнение затопили его, вымыли недавнюю тишину в голове. Что, если в него выстрелят из лука? Если примут за разбойника? Он отвязал от пояса и взял в руку тушку зайца, чтобы было лучше видно.

Никого не было на улице, только из приоткрытой плетёной двери сарая тепло пахло козым

навозом и сеном. Он сел рядом на снег, положил зайца на вытянутые ноги и принялся ждать.

<http://erolate.com/book/3459/83628>